

3. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», Институт востоковедения Академии наук СССР, 1979. 368 с.
4. Гришина В. А. Исикава Такубоку — критик и публицист. М.: МГУ, 1981. 200 с.
5. Иванов Б. В. Сингэки. Что это такое? М.: Правда, 1976. 85 с.
6. Идзу Тосихико. История современной японской литературы / Пер. с яп., ред., коммент. Н. И. Конрад. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 431 с.
7. Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М.: Художественная литература, 1973. 462 с.
8. Конрад Н. И. Курс лекций по истории японской литературы эпохи «Мэйдзи» (1868–1912) // http://ru-jp.org/konrad_meiji_bungaku_01.htm (30.05.11)
9. Соваж Д. Реалии и натурализм в литературе и искусстве / Пер. с фр. А. Серебряковой. М.: Типо-литография В.Ф.Рихтера, 1891. 350 с.

Литература на японском языке

10. Кикутти Кан. Современная японская литература. XIX том. Гэндай нихон бунгакукан / Кан Кикутти, Ямамото Юдзо. Япония, 1967. 225 с.
11. Косуги Тэнгай. Модная песенка. Хаяриута / Тэнгай Косуги. Япония, 1902. 157 с.
12. Мори Огай. Теория романа с позиции медицины. Игаку-но сэцу-ёри идзудэтару сё: сэцурон. Япония: Ёмиури, 1889. № 8. 178 с.
13. Фукуда Киёбито. Сборник критических статей. Хиханронсю. Япония: Киёмидзу сёин, 1938. 329 с.
14. Хасэгава Тэнкэй. Собрание критических статей. Япония: Иванамибунко, 1988. 235 с.

REFERENCEС

1. Grigor'eva T. P. K voprosu o razvitii teorii realizma v japonckoj literature // Japonckaja literatura. М.: Iccledovanija i materialy, 1959. 147 s.
2. Grigor'eva T. P. Japonckaja literatura XX vek.a М.: Hudozhectvennaja literatura , 1983. 416 s.
3. Grigor'eva T. P. Japonckaja hudozhectvennaja tradicija. М.: Glavnaja redakcija voctchoj literatury izdatel'ctva «Nauka», Inctitut voctokovedenija Akademii nauk CCCR, 1979. 368 s.
4. Grichina V. A. Icikava Takuboku — kritik i publitsict. М.: MGU, 1981. 200 s.
5. Ivanov B. V. Cingjeki. Chto eto takoe?. М.: Pravda, 1976. 85 s.
6. Idzu Tocihiko. Ictorija covremennoj japonckoj literatury / Per. c jap., red., komment. N. I. Konrad М.: Izdatel'ctvo inoctrannoj literatury, 1961. 431 s.
7. Konrad N. I. Oчерki japonckoj literatury. М.: Hudozhectvennaja literatura, 1973. 462 s.
8. Konrad N. I. Kure lektoij po ictorii japonckoj literatury epohi «Mjejdzi» (1868–1912) // http://ru-jp.org/konrad_meiji_bungaku_01.htm (30.05.11)
9. Covazh D. Realii i naturalizme v literature i ickuctve / Per. c fr. A. Cerebrjakovoj. М.: Tipolitografija V. F. Rihtera, 1891. 350 s.

Д. П. Сафонова

**ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ АФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПО ДАННЫМ КОРПУСА
ФОЛЬКЛОРНЫХ КОРЯКСКИХ СКАЗОК**

Статья посвящена изучению корякского языка, относящегося к чукотско-камчатской семье палеоазиатских языков. Корякский язык является младописьменным, к тому же на современном этапе насчитывается очень малое число его носителей, что обуславливает необходимость его изучения. Автор преследует цель — создать корпус

корякских фольклорных сказок, что положит начало образованию классифицированной электронной базы корякского языка. На данном этапе составления корпуса ведётся работа по его анализу, а именно — анализу словообразования существительных. Результаты исследования отражены в этой статье. В ней выделены по данным корпуса наиболее продуктивные модели аффиксального словообразования существительных, определено, какие модели характерны для всего языка в целом, а какие — для фольклорных текстов корпуса, а также сделана попытка объяснить причину частотности данных моделей.

Ключевые слова: корякский язык, языковой корпус, продуктивные словообразовательные модели, аффиксация, имя существительное.

D. Safonova

Productive Nominal Affixation Modelc: Data of the Corpus of Koryak Folk Tales

This article describes the study of the Koryak language that belongs to the Chukotko-Kamchatkan family of the Paleosiberian languages. Koryak has been alphabetized fairly recently; moreover, there are very few native speakers of Koryak left nowadays, which determines the need in researching this language. The goal of the study is to collect the corpus of Koryak folk tales which would thereby initiate the creation of classified electronic database of the Koryak language. At the present stage the data obtained during the corpus collection are being analyzed, namely the noun derivation analysis is being undertaken. The results of this work are presented in this paper. Based on the corpus data the most productive models of nominal affixation has been specified and evidence is given as to which models are typical for the language in general and which are specific only for folklore texts. Explanation is given why these affixation models are more frequent than others.

Keywordc: koryak language, language corpus, productive derivational modelc, affixation.

Основными причинами создания корпуса фольклорных корякских сказок послужили отсутствие на сегодняшний день готового корпуса по корякскому языку и необходимость лингвистического исследования текстов корякских фольклорных сказок. Корпус состоит из 30 опубликованных текстов на чавчувенском диалекте. Затрагивая вопрос стилистической принадлежности текстов, нужно отметить, что в младописьменном корякском языке не существует чётко дифференцированной системы стилей. Функционально-стилевое расслоение лексики находится на начальном этапе. Лексика книжных стилей (газетно-публицистический, литературно-художественные) и межстилевая лексика [12, с. 241–264] находятся в периоде своего становления. Основную часть массива лексики можно условно

отнести к лексике разговорного стиля, её разделение на возможные группы требует отдельного исследования. Наблюдение над текстами показало, что их можно отнести к языку устной традиции, для текстов характерно изобилие лексики разговорного стиля, но в них не отражается та спонтанность, которая характерна для разговорной речи. Данные тексты не являются дословными записями устных рассказов информантов. В ходе обработки текстов не было найдено грубых речевых и логических ошибок, однако обнаружены случаи фонетической вариативности языковых единиц и некоторые грамматические ошибки (например, морфологические и синтаксические), характерные для ненормированной речи. Данные ошибки были удалены, и для устранения излишнего многообразия слов в корпусе была проведе-

на унификация в соответствии со стандартами, указанными в словарях Т. А. Молл [9] и А. Н. Жуковой [6; 7; 8].

В результате последующей электронной обработки корпуса автоматически выделено около 7300 словоупотреблений, 3189 словоформ и путём ручной выборки — 1509 лексем. Дальнейшая работа связана с рассмотрением словообразовательного уровня языка, используемого в корпусе, а именно продуктивных словообразовательных моделей с применением синхронного анализа. В данной работе исследуется аффиксальный способ словообразования существительных в связи с тем, что он является наиболее продуктивным в современном корякском языке, что отражено в корпусе. Необходимо отметить, что корякский язык является агглютинативным: агглютинация суффиксально-префиксальная [11, с. 81]. Выделенные продуктивные словообразовательные модели сгруппированы по принципу их принадлежности к определённым словообразовательным категориям. В лингвистике является спорным вопрос о принадлежности/непринадлежности к одной словообразовательной категории словообразовательных моделей (типов) с производящими из разных частей речи. В данной работе под словообразовательной категорией подразумевается совокупность словообразовательных моделей, объединённых тождеством деривационного значения и образующих дериваты от основ разных частей речи.

Основная цель нашего исследования — определить, являются данные модели характерными только для фольклорных текстов или для всего языка в целом. Также сделана попытка объяснения причины продуктивности описанных словообразовательных моделей.

1. Наиболее многочисленны слова, образованные от основ существительных, глаголов, наречий и основ со значением качества и суффикса *-лг'(-чг'-)* со значением «действующее лицо, носитель качества»:

а) образования от субстантивных основ

гэкжы-лг'-ын*

оленья.упряжка-CBJ-NOM.3CG

‘ездок на оленях, оленьей упряжке’;

б) образования от глагольных основ

в'аняваты-лг'-ын

говорить-CBJ-NOM.3CG

‘говорящий, тот, кто говорит’;

в) от основы со значением качества

гыйтапы-чг'-ын

опыт-CBJ-NOM.3CG

‘старшина, тот, кто опытный, знающий, осторожный’;

г) от основ наречий

яноты-лг'-ын

впереди-CBJ-NOM.3CG

‘находящийся впереди, передовик’.

Необходимо отметить, что А. Н. Жукова в «Грамматике корякского языка» указывает на то, что чередование ч и л в суффиксе со значением ‘деятель’ встречается при образовании производных слов от глагольных и качественных основ. Существует несколько теорий о том, к какому классу относятся данные производные: Т. А. Молл [9, с. 209–211] указывала *-лг'* как словообразовательный форматив, образующий причастия, имеющие признаки глагола и имени. Согласно Молл, данные причастия легко субстантивируются, при этом образованные от причастий существительные сохраняют два значения — предмета и его признака. Подобный вывод можно сделать, посмотрев на функционирование производных с данным суффиксом в предложениях типа:

Ынан-янот-кэн еты-лг'-ын кайы-ын тым-ө-нэн.

Он-впереди-ADJ идти-CBJ-NOM.3CG медведь-NOM.3CG

убить-РСТ-3CG>3CG.

‘Первого подошедшего медведя убил [мужчина]’.

Производные, образованные по данной модели, в предложениях часто употребляются с подлежащим либо с дополнением, выражают атрибутивные отношения или выполняют функцию зависимого предиката в полипредикативных конструкциях. Также

данные производные употребляются в предложении и в качестве подлежащих и дополнений и могут выполнять функцию как независимого, так и зависимого предиката:

а) **Еты-лг'-ын** к-эвйи-ң.

Идти-CBJ-NOM.3CG PRC-есть-PRC

'Пришедший есть', или 'Тот, кто пришёл, есть'.

б) **Ычгынан гэ-лэг'у-линэт еты-лг'-ыт.**

Они PCT-увидеть-PCT:3DU идти-CBJ-NOM.3DU

'Они увидели двух идущих', или 'Они увидели тех двоих, которые шли'.

А. П. Володин выдвинул гипотезу о том, что слова с суффиксом лг' входят в одну из групп независимых предикативов, «...которые объединены функционально, формально и структурно..., но лишены семантической определённости. Как и глагол, предикативы выражают независимый и зависимый предикат, однако, в отличие от глаголов... предикативы способны выражать исключительно реалис, простую констатацию или отсутствие некоторого признака» [13, с. 20–21, 32]. В соответствии с данной трактовкой, **еты-лг'-ын** не стоит переводить как 'пришедший', иначе возникает аналогия с русским причастием. Больше подходит перевод 'Он, обладающий/обладавший ходьбой'. Как видим, субъект и предикат выражаются в одном слове. Субъект является обладателем процессуального признака, либо обладателем качественного признака, либо обладателем предмета, названного основой. Существует ещё одна гипотеза: А. Н. Жукова, а вслед за ней и В. Р. Дедык, в своих работах определяют данный суффикс как словообразовательный форматив производных существительных. Данное утверждение поддерживается тем фактом, что производные, образованные при помощи -лг'-, не имеют глагольных признаков времени и наклонения, при этом изменяются по числам и лицам, как и существительные, имеют парадигму склонения, что характерно только для существительных и местоимений, за-

мещающих существительные. В данной работе поддерживается последняя точка зрения на основе того факта, что слова, образованные при помощи -лг'-/-чг', обладают общим грамматическим значением предметности, всеми грамматическими категориями, характерными для существительного в корякском языке, и полную парадигму склонения, совпадающую с парадигмой склонения существительного в корякском языке [4, с. 139–144]. Однако стоит оговориться, что это — особый класс предикативных существительных. И независимо от того, к какой части речи (классу) относятся слова, образованные при помощи суффикса -лг'-/-чг'-, продуктивность словообразовательных моделей с данным показателем является неоспоримой. Частотность дериватов с суффиксом -лг'-/-чг'- характерна не только для корпуса, но и для всего языка в целом, что доказывает выборка из текстов корпуса, из корякско-русских словарей.

2. Рассмотрим следующие словообразовательные модели. Продуктивна словообразовательная модель, по которой создаются слова со значением диминутивности: основа существительного + суффикс *-пиль/-пэль* (*-пиль/-пэль-* являются алломорфами, обусловленными сингармонизмом в корякском языке). Первичное значение диминутивного существительного в корякском языке — 'предмет маленького размера':

аякьё-пэль-ө

полог-DIM-NOM.3CG

'маленький полог, положек'.

Вторичное — отражение в производном существительном субъективной оценки говорящего. Диминутив в корякском языке выполняет эмотивную функцию. Материал корпуса показывает, что диминутив выражает положительное отношение говорящего к предмету речи — симпатия, сочувствие — и одновременно положительно характеризует его:

а) **кмиҕы-пиль-ө**

сын-DIM-NOM.3CG

'сыночек';

б) *чачамыйы-пэль-ө*
старуха-DIM-NOM.3CG
 'старушечка'.

Для сравнения стоит упомянуть функциональную характеристику категории диминутивности в ительменском языке, описанную О. Н. Долозовой в её диссертационной работе, где «в рамках эмотивной функции (прим. диминутивного показателя) следует различать собственно эмоциональное употребление и оценочное (или характеризующее)» [3], иными словами в одних случаях диминутив может служить для выражения эмоций говорящего, в других — для характеристики предмета как носителя положительных качеств. В корякском языке, входящем вместе с ительменским в чукотско-камчатскую группу**, эмоциональное и оценочное употребление является совмещённым. Если в ительменском языке существует такой перевод *нумсх-чах* 'хорошая красивая женщина' от *нумсх* 'женщина' и *чах* — диминутивный суффикс, то в корякском языке (пример из корпуса) *ляне-пэль* от *ляне* 'девушка' нельзя перевести как 'хорошая, красивая девушка', возможен только такой перевод, как 'маленькая девушка' или, буквально, «девушечка». Положительная характеристика самого предмета речи передаётся совместно с оценкой автора. Какая из функций — номинативная или эмотивная — реализуется корякским диминутивом, определяется в зависимости от контекста.

3. Противоположной предыдущей по значению является модель образования производных аугментативных существительных: основа существительного + суффикс *-нэку/-нако* (*-нэку/-нако* также являются алломорфами, обусловленные сингармонизмом):

а) *в'ыв'в'ы-нако-ө*
камень-AUG-NOM.3CG
 'большой камень';

б) *йилыйил-нэку-ө*
язык-AUG-NOM.3CG

'большой язык, язычище'. Аугментативный показатель *-нэку/-нако* также выполня-

ет номинативную и эмотивную функции. Эмотивная функция аугментатива совмещает в себе выражение эмоций говорящего и оценку предмета речи. Он называет предмет большого размера, а также придаёт в некоторых случаях негативную оценку предмету речи, как чему-то угрожающему. Рассмотрим пример из корпуса — инкорпоративный комплекс:

майны-мыгий-нако-ө
большой-волна-AUG-NOM.3CG
 'большая ужасная волна'.

Смысловую нагрузку — значение 'большой' — берёт на себя корень *майны-*, *-нако* в данном случае придаёт существительному значение 'ужасная, страшная', что подтверждается контекстом «Большая волна покрыла дома, и люди остались без огня». Интересно сравнить аугментативы в корякском языке и родственном ему чукотском. В чукотском языке существуют два аугментативных показателя. Первый суффикс *-(ы)йн-* образует производные существительные со значением 'большой предмет, названный основой', дополнительный смысловой оттенок придается суффиксом — выражение почтения и благожелательности к предмету речи (*р'ав-ыйн-ын* 'китище'). Второй показатель *-(ы)чг-* (*-чын-*) имеет значение 'большой предмет' и выражает «осуждающую неблагоприятность» [11] (*навискат-чын-ын*, буквально — 'женщице'). В чукотском языке количество аугментативных показателей больше, чем в корякском. При этом в первом аугментативы, образованные от двух данных показателей, образуют антонимичные пары по своим коннотативным значениям. В корякском языке аугментатив вступает в антонимичные отношения с диминутивом и не совпадает по смысловому оттенку с аугментативами чукотского языка. Говоря о частотности употребления диминутивных и аугментативных форм, нужно отметить, что они характерны для корпуса фольклорных сказок. Их частотность несколько снижается в

текстах социально-бытового и биографического характера. Продуктивность моделей образования диминутивных и аугментативных форм в фольклорных текстах объясняется тем, что они являются выразительными средствами, выполняющими эмотивную функцию.

4. Следующие продуктивные модели образуют существительные со значением отвлечённости при помощи словообразовательного форматива *-гыйҥ-*:

а) от глагольных основ:

ёнат-гыйҥ-ын***

жить-*АВСТР-НОМ.3СГ*

‘жизнь, существование’;

б) от субстантивных основ:

калэ-гыйҥ-ын

письмо-*АВСТР-НОМ.3СГ*

‘письменность’, ‘грамота’, ‘узор’;

в) от основ слов, обозначающих качество:

емгым-гыйҥ-ын

страшный-*АВСТР-НОМ.3СГ*

‘страх’.

В корякском языке существуют исконные немотивированные абстрактные существительные (*ҥыйкыл* ‘стыд’, *чечкэюҥ* ‘ум’ и др.), а также заимствованные из русского языка (*власть*, *встреча* и др.), однако работа со словарём выявила, что большая часть слов с отвлечённым значением образуется по трём вышеуказанным моделям при помощи словообразовательного форматива *-гыйҥ-*. Оттенки отвлечённого значения, реализуемого в существительных с суффиксом *-гыйҥ-*, разнообразны: состояние человека (психическое и физическое), эмоции, свойство, абстрактный признак, процесс действия, деятельность и др.: например, *кычэҥҥотогыйҥын* ‘веселье’, *емгымгыйҥын* ‘страх’, *гаймыгыйҥын* ‘желанное’, *ҥойлыг’атгыйҥын* ‘слабость’, *юнэтгыйҥын* ‘жизнь’, *ынныҥыйтыгыйҥын* ‘рыболовство’. Богатство семантических оттенков значения отвлечённости, реализуемых в производных существительных при помощи *-гыйҥ-*, можно объяснить тем, что в корякском языке отсутствуют синонимичные аффиксы.

Причины продуктивности моделей образования абстрактных существительных при помощи суффикса *-гыйҥ-* объясняются тем, что а) это основное средство образования слов с отвлечённым значением, б) отсутствуют конкурирующие словообразовательные модели со схожим деривационным значением. В связи с этим частотность дериватов с суффиксом *-гыйҥ-* характерна не только для корпуса, но и для всего языка в целом.

5. В предыдущих случаях словообразовательные категории выражались либо одной моделью, либо группой моделей, объединённых одним деривационным формативом. Следующие модели характеризуются общностью категории пространства (локативности). В данных моделях выражается пространственная ориентация [5, с. 77–78], которая конкретизирует статичное положение предмета по отношению к другому предмету (в некоторых случаях к явлению), либо выделяет положение части предмета относительно целого. Каждая модель реализует отдельную субкатегорию локативности [1] (частное словообразовательное значение категории локативности).

а) Субстантивная основа + суффикс *-ткын-ө* со значением ‘верхушка, конец чего-либо’:

вэло-ткын-ө

ухо — *верхушка* — *НОМ.3СГ*

‘кончик уха’.

Здесь раскрывается пространственная ориентация части предмета по отношению к его верхней точке.

б) Субстантивная основа + суффикс *-лҥ-* ‘поверхность предмета’: **култа-лҥ-ын**

шкура лахтака — *поверхность* — *НОМ.3СГ*

‘поверхность шкуры лахтака’.

Данная модель близка по деривационному значению первой, в ней выделяется верхняя сторона предмета.

в) Основа существительного + суффикс *гиҥ-/-гэҥ-* ‘пространство под, у подножия предмета’:

елҥ-гиҥ-ө

порог — *под* — *НОМ.3СГ*

‘под порогом’.

Модель, антонимичная первым двум по пространственной ориентации, но здесь выражаются локативные отношения между двумя предметами.

г) Субстантивная основа + суффикс *-нолу-* ‘склон, бок’:

тыноп-нолу-ын

сопка — склон — NOM.3CG

‘склон сопки’.

В данной модели раскрывается значение ‘боковая сторона предмета, названного основой’.

д) Субстантивная основа + суффикс *-тайн-* ‘край, предел предмета’:

ауқа-тайн-ын

море — край — NOM.3CG

‘берег моря’.

Даная модель имеет локативное значение ‘граница предмета’.

е) Субстантивная основа + суффикс *-чыку/-чыко* ‘внутренность чего-либо’, ‘внутри чего-либо’:

в'ыяль-чыко-ө

пурга — внутри — NOM.3CG

‘в пурге’, буквально — ‘внутри пурги’.

В корпусе встречаются почти все данные модели, но самая продуктивная — последняя. Она выражает пространственные отношения одного предмета к другому. Производящая основа может иметь значение как материального предмета (*ауқан* ‘море’, *яяја* ‘дом’, *ёёна* ‘полог’), так и нематериализованного явления (*в'утқы-в'ут* ‘темнота’), это расширяет производящую базу данной модели: *ауқа-чыко* ‘внутри моря’, *в'утқы-чыку* ‘внутри темноты’, *в'ыяль-чыко* ‘внутри пурги, в пурге’, *в'зем-чыку* ‘глубь реки’, *гытгы-чыко* ‘глубь озера’. Суффикс *-чыку/-чыко* и остальные деривационные показатели со значением локативности выражают статичные пространственные отношения, дополняют развитую в корякском языке систему локативных падежей. Статический падеж в корякском языке — один и представлен локативом (Мест. п.****) — *эньпичи-к* ‘у отца’. Количество

динамических падежей намного больше: датив (Дат. п.) — *аньпэче-н* ‘(к) отцу’, аллатив (Напр. п.) — *аньпэче-йтын* ‘к отцу’, просекутив (Прод. п.) — *аньпэче-йпын* ‘мимо отца’, аблатив (Исх. п.) — *аньпэче-нко* ‘от отца’. Словообразовательные суффиксы со значением пространственной ориентации и показатели локативных падежей являются выразителями категории пространства в именах существительных в корякском языке. Данные словообразовательные формативы сближаются по функции с указанными формоизменяемыми показателями, уточняя локативные падежи [9, с. 141–142], а в некоторых случаях и заменяя их. Например: суффикс *-чыку/-чыко*, имеющий значение ‘внутри чего-либо’, ‘внутренность чего-либо’ употребляется с аллативом (*яя-чыко-йтын* ‘в доме’) и аблативом (*яя-чыко-нко* ‘из дома’), уточняя их, и заменяет локатив (*яя-чыко* ‘в доме’ стоит в номинативе, значение суффикса уже содержит в себе значение места). Несмотря на тесное взаимодействие локативных словообразовательных аффиксов с падежными показателями, они отличаются от последних тем, что их значения не обладают свойством обязательности [10, с. 105], что не позволяет причислить их к грамматическим.

Для грамматических значений характерна взаимоисключаемость в рамках той категории, к которой они принадлежат. А вышеупомянутые локативные словообразовательные аффиксы (см. выше *-чыку/-чыко-*) могут употребляться с локативными падежными показателями. Тот факт, что аффикс *-чыку/-чыко-* не употребляется с показателем локативного падежа *-к*, объясняется тем, что последний уже содержится в семантике словообразовательного суффикса. Иными словами, он выражается имплицитно и его формальное отсутствие не доказывает его необязательность. Если же мы опустим суффикс *-чыку/-чыко-*, то в локативе словоформа обязательно должна будет содержать *-к*.

Сближение локативных словообразовательных суффиксов с падежными показателями влияет на повышение продуктивности деривационных моделей со значением пространственной ориентации в корякском языке.

Таким образом, в ходе исследования были выделены в корпусе продуктивные модели образования производных существительных. Модели образования производных существительных со значением 'деятель, носитель качества', производных со значением отвлечённости и производных с локативным значением характерны не только для корпуса, но и для корякского языка в целом.

Деривационные модели со значением диминутивности и аугментативности более продуктивны в фольклорных текстах, чем в языке в целом.

Модель образования существительных с суффиксом -лг-/-чг- частотна в связи с тем, что данный суффикс является средством образования целого класса предикативных существительных. Словообразовательная категория существительных со значением отвлечённости реализуется только в одной модели с суффиксом -гый $\mathbf{H}$ -, и при этом он содержит в себе многочисленные семантические возможности, что повышает частотность его употребления. Продуктивность деривации существительных с локативными суффиксами объясняется их близостью к локативной падежной системе. Частотность существительных со значением диминутивности и аугментативности способствует реализации стилистических функций в фольклорных текстах корпуса: сообщение и воздействие на адресата.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Синкретичный аффикс -ын/-ә, имеющий значение 3-го лица единственного числа, в этой работе указан и как форма выражения номинатива. Вопрос о том, как выразить данные грамматические значения, является до конца не решённым среди палеоазиатоведов.

** Спорным является вопрос о том, является ли ительменский язык генетически родственным языкам чукотско-камчатской группы.

*** Суффикс -гый $\mathbf{H}$ - влияет на чередование гласных первой серии (и, э, у) с гласными второй серии (э, а, о).

**** В скобках указаны названия падежей, используемые в трудах А. Н. Жуковой [4; 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белякова Г. В.* Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. Волгоград, 2008.
2. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С.435.
3. *Долозова О. Н.* Формальные и функционально-семантические особенности категории диминутивности (на материале ительменского языка). СПб., 2007.
4. *Жукова А. Н.* Грамматика корякского языка. Л.: Наука, 1972. 324 с.
5. *Жукова А. Н.* Корякский язык. Л., 1987. С. 77–78.
6. *Жукова А. Н.* Русско-корякский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967. 752 с.
7. *Жукова А. Н.* Словарь корякско-русский и русско-корякский. СПб., 2003.
8. *Жукова А. Н.* Тематический словарь корякского языка. СПб., 2007.
9. *Молл Т. А.* Корякско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1960. 240 с.
10. *Плунгян В. А.* Основы общей морфологии. Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003.. 384 с.
11. *Скорик П. Я.* Грамматика чукотского языка. Л.: Наука, 1961. Ч. I.
12. *Фомина М. И.* Современный русский язык. Лексикология. М., 1990.
13. *Языки мира. Палеоазиатские языки.* М.: Индрик, 1997. 230 с.

REFERENCEC

1. *Beljakova G. V.* Slovoobrazovatel'naja kategorija suffikal'nyh lokativnyh sushchestvitel'nyh v sovremen-
nom rucckom jazyke. Volgograd, 2008.
2. *Vinokur G. O.* Zametki po russkomu slovoobrazovaniju // *Izbrannye raboty po russkomu jazyku*. M.,
1959. S. 435.
3. *Dolozova O. N.* Formal'nye i funkcionional'no-semanticheskie ocobennocti kategorii diminutivnocti (na
materiale itel'menckogo jazyka). SPb., 2007.
4. *Zhukova A. N.* Grammatika korjakckogo jazyka. L.: Nauka, 1972. 324 s.
5. *Zhukova A. N.* Korjakckij jazyk. L., 1987. S. 77–78.
6. *Zhukova A. N.* Russcko-korjakckij slovar'. M.: Sovetskaja encyklopedija, 1967. 752 s.
7. *Zhukova A. N.* Clovar' korjaksko-russkij i russko-korjakckij. SPb., 2003.
8. *Zhukova A. N.* Tematicheskij slovar' korjakckogo jazyka. SPb., 2007.
9. *Moll T. A.* Korjaksko-russkij slovar'. L.: Uchpedgiz, 1960. 240 c.
10. *Plungjan V. A.* Osnovy obyrcpej morfologii. Vvedenie v problematiku. M.: Editorial URSS, 2003.
384 c.
11. *Skorik P. Ja.* Grammatika chukotskogo jazyka. Cp. I. L.: Nauka, 1961.
12. *Fomina M. I.* Sovremennyj russkij jazyk. Lekckologija. M., 1990.
13. *Jazyki mira. Paleoziatckie jazyki*. M.: Indrik, 1997. 230 s.